

Лео де Витт

П
Е
Р
Е
К
К
ПЕРЕКРЁСТКИ
Ё
С
Т
К
И

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

По рассказу “Прогулка на луне”

18+

Лео де Витт

Перекрёстки

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70522060

SelfPub; 2024

Аннотация

Калека грезит о былой спортивной карьере. Робкий клерк пытается произвести впечатление на роковую красотку. Модный писатель сталкивается с разрушительной критикой. В одну ночь в одном месте три истории, три судьбы пересекутся между собой и разделятся на перекрёстке жизни.

Содержание

Картина первая	5
Картина вторая	8
Картина третья	20
Картина четвёртая	30
Картина пятая	37
Картина шестая	46
Картина седьмая	51
Картина восьмая	55
Картина девятая	61
Прогулка на луне (рассказ)	64

Лео де Витт

Перекрёстки

Инсценировка рассказа "Прогулка на луне"

Действующие лица:

Космонавт, юный мечтатель

Лев, офисный планктон

Ева, роковая красотка

Платон, модный писатель

Теодора Теодоровна, авторитетный литературный редактор

Официант, никто не знает, кто он

Картина первая

Посреди сцены стоит дом. На первом этаже располагается круглосуточная кофейня "Живоглот": по периметру всего этажа установлены панорамные окна в человеческий рост, и со зрительного зала хорошо видно, что происходит внутри; на втором этаже расположены две квартиры: из них выходят два неестественно больших окна (чтобы зритель видел, что происходит внутри квартир); остальная часть здания устремляется вверх и скрыта за падугами и арлекином.

На дворе ночь. Сцена освещается тёплым светом из кофейни и уличными фонарями. В квартирах на втором этаже пока темно.

На авансцене лужайка с высокой травой и цветами. От здания её отгораживает невысокий забор. Слева на лужайке подвешен гамак между двух столбов. Справа из-за кулисы выглядывает дверь в соседний дом.

Из этого дома на лужайку выходит Космонавт. Он ложится в гамак, недолго лежит, затем встаёт и, хромя, ходит по лужайке. Видно, что он хочет что-то сказать, но не решается. И всё-таки пересиливает себя.

Космонавт. *(В зрительный зал)* Почему каждой пти-

це, которая взлетела выше остальных, суждено, как Икару, упасть на самое дно? Просто, если жизнь устроена таким дурным образом, и каждое действие производит равную долю противодействия, тогда зачем мечтать, смотреть наверх, стремиться и добиваться? Ведь, если не будешь летать, то и не упадёшь. Меня называли Космонавтом. Забавно, ведь я никому не говорил, что мечтаю полететь в космос. И всё же именно такое прозвище я получил. Наверное, потому что мы все не можем жить без космоса. И в прямом, и в переносном смысле слова. Нам всем нужно стремиться к чему-то недостижимому. А, спрашивается, почему? Потому, что, если мы будем грезить о чём-то, чего можно достичь за пару лет работы, или накопив нужную сумму на банковском счёте, скорее всего, в конце мы столкнёмся с проблемой, что жить больше не за чем. Потому, лучше желать чего-то недостижимого и тем самым приобрести смысл жизни до конца своих дней. Эту немудрёную истину я понял ещё в начале пути, потому и, исполнив очередную мечту, придумывал себе другую, и спокойно дожил до своих лет, не мучаясь думами о смысле жизни. Так я пробежал Сахару, Долину смерти и Атакаму. Переплыл Ла-Манш. Погружался на дно ста двадцати метров без акваланга. Проехал на лыжах две тысячи километров по Колыме. И совершил кругосветное путешествие на воздушном шаре. Хм, теперь я понимаю, почему меня так называли. В конце такого большого пути было бы правильным слетать в космос и поставить точку в моей жизни, смыс-

лом которой стало показать удивительные возможности человеческого тела. От того и смешнее, каким глупым образом я получил травму, которая оставила меня калекой на всю оставшуюся жизнь. Я тогда пробежал ультрамарафон "Вальхалла" в Ростове. Представьте, сто миль бежал под снегом и дождём на протяжении двадцати часов. В спортивной ассоциации устроили празднество в честь моего триумфа. На улице было прохладно. Мы немного выпили, и дурным людям пришла идея жарить мясо на гриле прямо в доме. В итоге, подпалили занавески. Огонь быстро распространился по комнате. И я решил вылезти через окно. Неудачно приземлился и... Вот! Представьте себе, я, человек, который попадал под снежную лавину в горах, переживал укусы змей в пустыне, плавал на глубине ста метров без акваланга, и я остался калекой, спрыгнув из окна первого этажа. Какая смешная эта жизнь! И, казалось бы, став хромым и немощным, с вечными болями в ноге, я должен был последовать философии собственной жизни и придумать себе новый смысл жизни. Но! (*Садится в гамак.*) Я его не придумал.

Космонавт ложится в гамак и отворачивается от зрительного зала.

Свет на лужайке приглушается.

Картина вторая

Свет за окнами первого этажа прибавляется. Теперь отчётливо видно, что происходит в кофейне.

За столиком у окна справа сидят Лев и Ева. Стол накрыт; тарелки уже полупустые. Парочка потягивает с бокалов игристого вина.

Лев. Как ты прекрасна!

Ева. Ты говоришь это третий раз за вечер.

Лев. Серьёзно?

Ева. Да, первый раз при встрече, второй, когда я отходила пудрить носик.

Лев. Серьёзно? В третий раз? Извини за мою невнимательность. Я должен был понять, что такой девушке, как ты, нужно повторять это и в пятый, и в десятый, и в сотый раз.

Ева. (Смеётся.) Спасибо! За женщинами ухаживать ты умеешь. Но сбавь обороты. У нас первое свидание, а твой напор заставляет меня чувствовать себя неловко.

Лев. Понял. Извини! Я так долго добивался ужина с тобой! Переволновался.

Ева. Напомни, где ты меня впервые увидел?

Лев. О! Я хожу в теннисный корт, что недавно построили в новом районе. Там я тебя и увидел.

Ева. Я не хожу на теннис.

Лев. Но я точно видел тебя на корте. Уж поверь, я не забуду и не перепутаю, где увидел тебя впервые. Настолько ты запала мне в сердце.

Ева. Прекрати! Ты меня смущаешь! Теперь вспомнила. Ребята с отдела маркетинга позвали играть. А, вообще, я не спортсменка.

Лев. Брось! Серьёзно? Мне тогда показалось, что у тебя идеальная спортивная фигура.

Ева. Тебе показалось.

Лев. Но сейчас ведь ты сидишь передо мной. И я с уверенностью могу заявить, что у тебя, Ева, идеальная фигура.

Ева. Просто этот цвет меня стройнит.

Лев. Ты скромничаешь. Уверен, у тебя и без этого платья идеальная фигура. Ой, то есть... Извини...

Ева. Лев! *(Касается его руки.)* Ещё раз говорю: умерь напор.

Лев. Да! Извини! Что-то я разошёлся. Это всё от волнения. Надо ещё выпить. *(Делает глоток из бокала.)*

Ева. *(Смеётся.)* Вот, поэтому, ты и разошёлся. Не пей так много.

Лев. Да, ты права. Что-то я перебрал. Ну, так вот! Впервые я увидел тебя на теннисном корте. А позже увидел у нас в конторе. Я подумал: "Боже! Как мне повезло! Она устроилась к нам работать!" А потом выяснилось, что мы годами работаем в одном здании и ни разу не пересекались.

Ева. Да, ты бы знал, как я удивилась! Что парень именно из нашего офиса видел меня на теннисном корте именно в новом районе и именно в тот день, когда я впервые пошла на теннис.

Лев. Должно быть это судьба. *(Поднимает бокал.)* За то, что судьба оказалась к нам благосклонна?!

Ева. Благосклонна в чём: что мы встретились, или работали несколько лет в одном здании и ни разу не пересеклись друг с другом?

Лев грустно ставит бокал на стол.

Ева. Ну, Лёва, я же шучу! Давай, конечно, выпьем за то, что судьба распорядилась так, что мы всё-таки встретились.

Лев резко меняется в лице и радостно поднимает бокал. Они чокаются и выпивают.

Лев. Я правда долго добивался ужина с тобой. Чем я тебя зацепил, что ты так неожиданно согласилась?

Ева. Лев, ну, вспомни, как ты за мной бегал! Я тебя знать не знала, а тут неожиданно посыпались подарки, приглашения. Ты был очень напорист. Я испугалась.

Лев. Да, у меня крышу снесло от тебя.

Ева. А потом ребята из моего отдела узнали, что все подарки от тебя. И сказали мне, что ты хороший парень. Вы,

кажется, пьёте с ними пиво по пятницам. Вот, я и согласилась.

Лев. Ну, что ты! Я не пью!

Ева. Лев, ребята рассказали мне, что вы ходите в бар каждую пятницу.

Лев. Сволочи! Зачем они так! Только, пожалуйста, не подумай, что я люблю выпить. У меня напряжённая работа. И мне периодически нужно перезагружаться.

Ева. Лев, я не вижу ничего плохого, что раз в неделю ты пытаешься снять стресс. А о ребятах ты так зря. Они очень хорошо о тебе отзывались и настаивали, чтобы я согласилась пойти поужинать с тобой.

Лев. А! Я понял. То есть ты согласилась поужинать со мной, потому что они попросили, да?

Ева. Да нет же, дурачок! Они сказали, что ты хороший парень. А согласилась я, потому что ты мне понравился.

Лев. Но, если я сразу тебе понравился, почему ты сначала отказывалась поужинать со мной?

Ева. Потому, что я тебя не знала.

Лев. И согласилась, потому что ребята попросили тебя со мной поужинать, так?

Ева. Лев, давай, оставим этот разговор.

Лев. Ладно!

Ева. Спасибо! Так что тебе во мне понравилось, что ты сразу решил, что называется, брать быка за рога?

Лев. Мне... Мне нравится в тебе всё. Твои глаза. Твои

волосы. Твои губы. Твой голос. Я влюбился в тебя, как только увидел.

Ева. Влюбился?! (*Смеётся.*) Но ты же совсем меня не знаешь.

Лев. Я знаю, что ты самая прекрасная девушка на планете.

Ева прикрывает рот рукой и смеётся.

Лев. Что смешного?

Ева. Вы, мужчины, такие смешные: вечно путаете любовь с влюблённостью.

Лев. Мне показалось, или ты сейчас попыталась принизить мои чувства?

Ева. Нет, что ты?! Конечно, нет! Я лишь хотела сказать, что ты слишком быстро определил для себя, что любишь меня.

Лев. Ты не веришь в любовь с первого взгляда? Все женщины верят в любовь с первого взгляда.

Ева. И я верю.

Лев. Тогда почему ты считаешь, что я путаю любовь с влюблённостью?

Ева. Просто всё, что ты говоришь, больше продукт страсти, нежели рассудка.

Лев. А разве умно говорить о рассудке, когда дело касается любви?

Ева. Более чем. Это как раз и отличает любовь от влюблённости. Влюблённость – продукт страсти, любовь же – продукт рассудка.

Лев. Рассудок предполагает заботу о себе. Разве можно объяснить рационально, что ты желаешь заботиться о человеке, просто потому что он есть?

Ева. Ты знаешь, многие не любили моего отца: считали его грубым, невоспитанным мужланом. Я же его обожала. Потому, что видела, что люди принимают за грубость лишь его желание говорить правду, быть настоящим и отстаивать свою позицию, а не сидеть, как другие, поджав хвост и спокойно слушать рассуждения идиотов. И отец сказал грубую, пошлую, но очень верную вещь. Если мужчина влюблён в женщину, пусть выйдет и передёрнет раз-другой. Если тяга к женщине пройдёт, значит мужчина видел в ней лишь тело; если же нет, значит он увидел в ней что-то, помимо сисек и жопы. И через годы они не познают пытку неловким молчанием, какое бывает, когда супруги, что знают о друг друге всё, сидят в одной комнате.

Лев. Ты рассуждаешь, как романтик. Мы люди. И каждый человек конечен. Когда мужчина и женщина много лет живут вместе, рано или поздно наступает момент, когда им обоим будем нечего сказать друг другу.

Ева. Не спорю. Тут ты совершенно прав. Но суть любви, она как раз таки в том, что вам друг другу не нужно ничего говорить. Вы сидите вместе в этом прекрасном заведении,

едите вкусную еду, попиваете чудное вино, и вас не мучает дикое желание разрушить громкую тишину между вами. У влюблённых не бывает громкой тишины.

Лев. А, вот, тут я тебя поддержу. Я знал одну женщину...

Ева. О, как интересно! А, правда, расскажи о своих женщинах.

Лев. Нет, ты не поняла. Мы просто дружили. Возможно у неё и были чувства ко мне, но я же воспринимал её как дорогого сердцу друга, не более. Мы, кстати, часто сидели в этом заведении, пили кофе и просто молчали. И, знаешь, мне не нужно было ничего! Достаточно бы того, что она сидит рядом, и этого мне было достаточно, чтобы видеть в ней самого прекрасного человека, которого мне доводилось встречать в жизни. К сожалению, общение наше оборвалось.

Ева. Но разве ты не понимал, что то, что ты чувствовал к ней, и было любовью?

Лев. Тут я с тобой соглашусь. Я любил её. И мы дружили. А дружба – самая высокая форма любви, потому что лишена животной страсти.

Ева. Тогда как бы ты отреагировал, если бы я назвала тебя другом?

Лев. Крайне негативно.

Ева. Почему же? Ведь это бы значило, что я испытываю к тебе самую высокую форму любви.

Лев. И, безусловно, мне это было бы приятно. Но часто в любимом человеке ты желаешь познать не только его душу,

но и его тело.

Ева. Почему же ты не хотел познать её тела?

Лев. У неё была сладкая, воздушная, пышная душа! Как торты и пирожные, которыми она увлекалась.

Ева. Что ж, тогда, если женатый мужчина заводит дружбу с женщиной, можно ли обвинить его в измене? Ведь он испытывает к другу более высшую форму любви, чем к супруге.

Лев. Нет!

Ева. Это почему же?

Лев. Потому, что человек формирует о себе полное представление, когда впервые в детстве видит собственное отражение в зеркале. Тело – отражение души. И, если мужчина желает познать в женщине не только душу, но и тело, значит он желает познать её целиком. А это признак большой любви.

Ева. Как всё запутано.

Лев. И я хочу признаться тебе, что желаю познать не только твою душу, но и тело.

Ева. Лев! Ты опять не видишь границ.

Лев. Да! Я уже достаточно выпил, чтобы откровенно тебе в этом признаться.

Ева. Тогда убери подальше бокал, пока чего дурного не натворил. *(Отодвигает от Льва бокал.)* И всё же расскажи о своих женщинах. Мне правда интересно, с кем ты когда-то хотел связать жизнь.

Лев. Мне кажется, это не то, что ты действительно желаешь знать.

Ева. Милый, очень мало людей в мире знают, чего они по-настоящему хотят, и я вхожу в их число. Я спокойно отношусь к той части жизни мужчин, какая была у них до меня.

Лев. А это меня уже серьёзно пугает в тебе!

Ева. Отчего же?

Лев. Люди по природе своей – собственники. Мы считаем, что заслуживаем тех, кто с нами, а кто-то и вовсе считает, что заслуживает большего – скажем – успешной модели, например. Роковой красотки.

Ева. При этом сами даже никогда не заходили в спортзал и не поднимают задницу с дивана. Да, знаем таких. И всё же интересно ты мыслишь! То есть ты считаешь, что заслуживал тех женщин, что у тебя были?

Лев. Да, более чем.

Ева. И ты считаешь, что заслуживаешь меня?

Лев. Ты не поняла концепцию до конца.

Ева. *(с улыбкой)* Объясни же.

Лев. Это работает и в обратную сторону. То есть, если я заслуживаю тебя, то, соответственно, и ты заслуживаешь меня.

Ева. *(шутя)* Боже, какая честь!

Лев. А, в таком случае, если ты заслуживаешь меня, почему я не заслуживаю тебя?

Ева. А ловко ты! Теперь понятно, как ты добился успеха

в нашем деле.

Лев. О, я в маркетинге совсем недавно! И долгое время проваливал каждую сделку. Меня уже использовали в конторе чисто как "подай-принеси". Но потом я понял важную вещь.

Ева. Какую же?

Лев. Нельзя рассматривать потребителя с точки зрения каких-то общностей. Каждый покупатель индивидуален, у него свои желания и загоны. А, раз в мире нет алгоритмов способных просчитать, какой товар нужен потребителю...

Ева. Нужно убедить потребителя, что ему нужен именно твой товар!

Лев. Именно!

Ева. Ну, ты выдал! Это же самые основы профессии.

Лев. Да, это азбука. Но именно основы люди чаще и забывают. Профессора высшей математики не могут решить простейшие алгебраические задачи, забывают. Ты же относишься к азам по другому, когда подчёрпываешь их из жизни и собственного опыта, а не из книг. Но ты не дослушала до самого главного! После того, как я понял, что потребителя нужно заставить поверить, что твой товар ему жизненно-необходим, дела пошли успешно не только в бизнесе, но и у женщин.

Ева. (Смеётся.) Это ты всё время подводил к рассказу о бывших?! Так, я слушаю.

Лев. Да нечего рассказывать.

Ева. Ну, мне теперь интересно! Следуя твоей логике, ты заслуживал своих бывших, а они заслуживали тебя, тогда почему они стали бывшими? Или они перестали заслуживать тебя?

Лев. Скорее, я перестал заслуживать их.

В зале поднимается шум – какое-то тарыхтение. Парочка оглядывается по сторонам.

Ева. Похвально, Лев! Впервые вижу мужчину, который не поносит бывших.

Лев. Перекрёстки – страшная вещь. Кажется, что они соединяют. На самом же деле, они позволяют судьбам пересечься лишь на мгновение, но потом они разъезжаются, и каждый едет в свою сторону.

Ева. Ты мне нравишься, Лев!

Лев. *(Долго молчит.)* Похоже мы засиделись. Уже поздно.

Ева. Да, видимо мне пора ехать домой.

Лев сидит потерянный.

Лев. Вообще-то, я думал предложить пойти ко мне.

Ева. Вот как?! *(Недовольно оборачивается на шум, затем возвращает внимание к Льву.)* А я думала, что судьбы разъезжаются на перекрёстках жизни.

Лев. Но прежде, чем разъехаться, им необходимо пере-

сечься. (*Пауза. Тоже поглядывает за спину Евы на источник шума.*) Пойдём! У меня дома есть бутылка вина и несколько благородных сыров. Обещаю прилично себя вести.

Ева. Заманчиво! Пожалуй, я приму твоё предложение.

Лев. Официант!

К столику подходит Официант.

Официант. Я вас слушаю.

Лев. Будьте добры, счёт.

Официант. Конечно!

Лев косится на парня с печатной машинкой у левого окна.

Лев. Гости не жалуются на шум?

Официант. Вообще-то, да, уже были жалобы. Сейчас пробуем что-нибудь сделать.

Свет у столика Льва и Евы приглушается.

Картина третья

Свет прибавляется над столиком у левого окна.

За столом сидит Платон. Он увлечённо стучит по клавишам печатной машинки. Периодически берёт чашку кофе и с удивлением обнаруживает, что та пуста.

К нему подходит Официант.

Официант. Прошу прощения!

Платон не обращает на него внимания.

Официант. Извините!

Платон перестаёт стучать, недолго задерживается, будто выходит из транса, и потом замечает Официанта.

Платон. Да? Я вас не звал!

Официант. Простите, что отвлекаю, но ваша машинка создаёт много шума. Гости за соседними столиками жалуются.

Официант бросает взгляд на Льва и Еву. Платон ловит его взгляд.

Платон. Это эти что ли?

Официант. Не только. Гости!

Платон. Слушай, давай, ты пойдёшь заниматься своими делами, хорошо?

Официант. Понял вас. Желаете ещё заказать чего-нибудь?

Платон. Нет, не нужно.

Официант. Хорошо.

Официант уходит к стойке бара и через время возвращается со счётом.

Официант. Ваш счёт. *(Кладёт счёт на стол.)*

Платон. Но я не просил!

Официант. Прошу прощения, но у нас нельзя сидеть просто так. Чтобы сидеть в кофейне, вам нужно заказать что-нибудь.

Платон. Я заказал кофе!

Официант. Но вы выпили его. *(Смотрит на часы.)* Четыре часа назад. И сказали, что больше ничего не желаете заказывать.

Платон. Слушай, ты вообще знаешь, кто я такой, и от какого важного дела ты меня отвлекаешь? Я – писатель, ясно тебе это? Я – ваш постоянный посетитель. Я здесь пишу. И все тёлки, которые приходят к вам выпить латте и сделать

фото для инстаграма, приходят сюда, потому что знают, что здесь появляюсь я. Я пиарю ваше заведение; благодаря мне у тебя есть клиенты. Поэтому, давай, ты пойдёшь работать и дашь поработать мне. И не отвлекай меня больше. Это тебе не с разносом бегать.

Официант. Так вы не собираетесь ничего заказывать?

Платон. Ты, что, издеваешься надо мной?!

Официант. Если вы не собираетесь ничего заказывать, оплатите, пожалуйста, счёт.

Платон. Слушай, зови менеджера! Кто сегодня на смене? Я знаю ваше руководство. Эта чашка будет за твой счёт за то, что ты испортил мне вечер. Зови его, говорю!

Официант уходит вглубь помещения и пропадает за окнами.

Через время он выходит из-за угла здания без фартука и закуривает сигарету, пытаясь успокоиться после вредного гостя.

Платон недолго сидит и, так и не дождавшись менеджера, собирает вещи и уходит. На пути к выходу проходит мимо столика, где сидят Лев и Ева.

Платон. Это вам что ли шумно? Если что-то не устраивает, сидите дома! Тут вам общественное место; здесь серьёзные люди сидят, между прочим.

Лев собирается встать и проучить нахала, но Ева его останавливает и просит не лезть на рожон.

Платон выходит из кофейни.

Свет в кофейне приглушается, а на улице прибавляется.

Платон собирается зайти за угол дома, но его замечает Официант.

Официант. *(Свистит.)* Эй! А ну подойди сюда на пару слов!

Платон. *(Беспокоится.)* Чего вам?

Официант. Ах, уже "вам"! Ты чего там устроил в кофейне? На кого быкуешь?!

Официант берёт Платона за затылок и притягивает к себе. Тот уворачивается, но оступается и, прокрутившись вокруг себя, падает.

Платон. Не подходите ко мне! Я ментам на вас накатаю. У вас будут проблемы.

Официант. Ты уже создал мне проблемы, когда исполнил там! Чего заднюю даёшь? Или ты только там смелый, где под камерами звездюлей тебе дать не могу?

Платон. Я спокойно сидел за столиком и никого не трогал. Вы первый стали мне хамить.

Официант. Да потому, что ты без толку занимаешь мой столик!

Платон. Я работал.

Официант. Ты каждый вечер работаешь в кофейне! Займёшь столик, закажешь одну чашку кофе и самый дешёвый десерт, и часами сидишь до самого закрытия. И за всё время ни разу не оставил чаевых. А мне тоже надо на что-то жить. Нет денег заказать на солидный счёт, работай дома. Не усложняй другим жизнь.

Платон. *(Поднимается.)* Ещё прислуга не указывала мне, где работать!

Официант бьёт Платона, и тот падает на проезжую часть.

Официант уходит в кофейню.

Платон садится на асфальт, приходит в себя и медленно шагает за угол кофейни.

Позже свет на улице приглушается, в окне над кофейней загорается свет; это Платон поднялся к себе в квартиру.

У окна стоит письменный стол. Из-за оконной рамы выглядывает крышка ноутбука и аквариум с рыбкой. Платон снимает и вешает на вешалку пиджак, проходит комнату и кормит рыбку.

Платон. Представляешь, Мандаринчик, уже официанты бьют мне морду! Прислуга! Совсем забыли, где их место! Да-да! Общество совсем не ценит писателей, а, ведь именно благодаря нам, цивилизация до сих пор не развалилась.

Платон садится за ноутбук.

Платон. Ну, что, посмотрим, что там пишут про наш последний роман?! Так... Ага!.. Что? Графомания?! Глупая сказка?! Страшная нудятина?! Читиво для девочек-подростков? Кто это писал?! Ужас! Ты посмотри на их рожи, Мандаринчик. Что за мужланы! У них же на рожах написано, что они из деревни. (*Открывает ящик в шкафу и достаёт на стол стопку исписанной бумаги. Перебирает и рассматривает листы.*) Разве можно назвать это графоманией?! Столько души в этих трудах! В конце концов, Мандаринчик, если логически подумать, было бы это графоманией, разве стали бы меня печатать, да ещё дополнительными тиражами? Вот! История старая, как мир. Серая, тупорылая масса не понимает людей одарённых, не от мира сего. А что поделаешь, Мандаринка?! Нужно среди этой челяди как-то жить, ещё и умудриться как-то творить. Да уж! Выложу страницы этих бесов себе в инстаграм и обвиню их в хейте. Тогда мои поклонницы устроят им сладкую жизнь.

В дверь раздаётся звонок. Платон нехотя встаёт и идёт

открывать дверь.

Платон. Ну, кто ещё? Я ничего не заказывал!

Платон открывает дверь. На пороге стоит полная немолодая женщина; на голове у неё бигуди, при этом очки в современной стильной оправе, а домашний костюм весь усыпан изображениями кошек. Внешне она очень точно походит на тот тип людей, кого Платон называет "колхозниками".

Платон. Кто?

Теодора Теодоровна. Здравствуйте! Я ваша соседка напротив. Мы с вами ещё не знакомились. Как вам не позвонишь, вас вечно нет дома. Меня зовут Теодора Теодоровна!

Платон. Чем обязан?

Теодора Теодоровна. Понимаете, дело в том, что завтра ко мне приезжают внуки на выходные.

Платон. *(саркастично)* Замечательно! Скажите внукам сразу, чтобы они не шумели.

Теодора Теодоровна. Ох, что вы?! Они у меня послушные мальчишки!

Платон. Так чем обязан?

Теодора Теодоровна. Дело в том, что я хотела испечь торт мальчикам к их приезду, но в ходе своей маленькой ревизии обнаружила, что в доме совсем не осталось сахара. Глупая, старческая голова! *(Хлопает себя по голове.)* Може-

те одолжить сахару? Буду вам очень признательна.

Платон. Ох, ладно! Вам повезло, что я отказался от сахара и сижу на сахзаме. У меня остался целый пакет.

Теодора Теодоровна. О, что вы?! Много не нужно!

Платон. Нет уж, забирайте всё. Мне он больше не понадобится.

Платон идёт к буфету за сахаром, а Теодора Теодоровна оглядывает квартиру за порогом и замечает на письменном столе печатную машинку.

Теодора Теодоровна. Интересно!

Не спрашивая разрешения, старушка проходит в квартиру, подходит к столу у окна и разглядывает машинку.

Платон оборачивается с пакетом сахара.

Платон. Эй! Что вы делаете? Кто вам разрешил заходить в квартиру?!

Теодора Теодоровна. Надо же! Печатная машинка! Ими ещё кто-то пользуется! Скажите! А вы, что, писатель?

Платон. Неважно кто я! Сейчас же выйдите из квартиры!

Теодора Теодоровна замечает стопку рукописей на столе.

Теодора Теодоровна. Ох, это ваши рукописи! (*Берёт в*

руки.) Могу я ознакомиться?

Платон. Дайте сюда бумагу! Вот, сахар! Уходите! Вы без разрешения прошли в чужую квартиру!

Платон вырывает у старушки из рук рукописи и впикивает пакет сахара. Берёт за плечи и выводит из квартиры.

Теодора Теодоровна. Ну, пожалуйста! Могу я почитать хотя бы пару страниц?

Платон. Вы всё равно ничего в этом не понимаете! Идите готовить внукам торт! И больше не пытайтесь пробраться в мою квартиру!

Теодора Теодоровна. А, вот, это вы зря так про "не понимаете". Всё-таки я литературный редактор с уже... Сколько в этом году будет?!! Сорок?.. Да! С уже сорокалетним стажем.

Платон уже не пытается прогнать соседку.

Платон. Вы и вправду литературный редактор?

Теодора Теодоровна. Я работаю в "Ассоциации".

Платон. В "Ассоциации"? Шутите?! Это самое крупное издательство в стране!

Теодора Теодоровна. Ну, это я знаю, как никто другой.

Платон. Знаете, я передумал. Можете почитать мои рукописи. Можете взять все.

Теодора Теодоровна. О, поверьте, мне будет достаточно пары страниц, чтобы понять, в чём тут дело. Обязательно прочитаю на досуге.

Платон. Ну, нет, почитайте сейчас! Вот, кресло! Присаживайтесь. А я пока заварю вам свежего чаю.

Теодора Теодоровна. Но мне нужно печь торт!

Платон. Но вы ведь сказали, всего пару страниц. Пожалуйста, уделите немного времени юному дарованию!

Теодора Теодоровна. Ну, хорошо! Давайте мне что-нибудь.

Платон копается в рукописях и протягивает Теодоре Теодоровне несколько листов.

Платон. Вот! Это то, над чем я сейчас работаю.

Теодора Теодоровна. (*Мельком просматривает страницы.*) Так-так-так, интересно.

Теодора Теодоровна садится в кресло и принимается читать рукописи Платона.

Свет в квартире приглушается.

Картина четвёртая

Свет над столиком Льва и Евы прибавляется.

Недоеденная еда в тарелках уже высохла. На столе лежит оплаченный счёт.

Ева. Неправда! (*Пауза.*) А я говорю, неправда! Сегодня снимают хорошее кино. Его нужно просто поискать.

Лев. И снова у нас вырос спор из ничего. Я не спорю, что сегодня можно найти хорошее кино, но вопрос был о другом. Я просто спросил, какое кино ты любишь?

Ева. Какое люблю?! Французское! Да, французское. А ты?

Лев. Я люблю советское кино.

Ева. Почему?

Лев. Оно – про жизнь.

Ева. А французское не про жизнь?

Лев. Я не знаю про что оно. (*Смотрит на часы.*) Что-то мы засиделись. Счёт оплачен полчаса назад.

Ева. Да, пора.

Лев. Твой ответ всё ещё в силе?

Ева. Если в силе твоё предложение.

Лев. (*Берёт бутылку игристого вина и встряхивает его.*) О! Так здесь ещё осталось! Возьмём с собой.

Ева. Ты же сказал, у тебя дома есть вино.

Лев. Это выпьем по дороге.

Ева. Прямо из горла?

Лев. *(Пауза.)* Официант!

К столику подходит Официант.

Официант. Да?

Лев. Какой штраф за разбитый бокал?

Официант. А что? Вы разбили бокал? Где? Не вижу. Вы не поранились?

Лев. Просто скажи, какой штраф за разбитый бокал?

Официант. Три тысячи.

Лев вынимает из кошелька банкноты и кладёт на стол. Берёт с собой бутылку недопитого вина и два бокала.

Лев. Считай, что мы их разбили.

Лев открывает даме дверь. Ева выходит из ресторана и её качает на свежем воздухе.

Свет в кофейне приглушается, на улице же прибавляется.

Ева. А ты тот ещё!..

Лев. Кто?

Ева. Просто. Тот ещё!..

Лев. Бунтарь? Хулиган? Романтик? Или всё вместе?

Ева. Ой! *(Покачивается.)* Что-то вино дало в голову на свежем воздухе.

Лев. Так присядь.

Лев помогает Еве сесть на поребрик перед кофейней и садится рядом. Дает ей в руки бокал.

Лев. На! Это тебе пузырьки в голову дали. *(Наливает вина ей в бокал.)* Сейчас закрепим полученный результат: покажем организму, что не сдаёмся. Подышим свежим воздухом, и всё будет чики-пуки.

Ева. Чики... Что?.. Ты дед что ли?

Лев. А что? Все так говорят.

Ева. Никто так не говорит. Никто сейчас не говорит "чики-пуки".

Лев. Я говорю.

Ева. Не говори так!

Лев. Да почему?

Ева. Ну, что это за слово? Представь, затащишь ты девушку в постель. И после всего скажешь ей: "Это было чики-пуки!" Что это такое?

Лев. Нет, я так не скажу.

Ева. А что скажешь?

Лев. Нормально.

Ева. Что нормально?

Лев. Это было нормально.

Оба разрываются от хохота; в приступе смеха Ева прижимается к Льву и кладёт голову ему на плечо.

Лев. Так прекрасно!

Ева. Что именно прекрасно?

Лев. Да всё прекрасно! Ты прекрасна! Ужин прекрасен! Эта ночь прекрасна! И подумать только: столько перекрёстков в мире, и мы оказались на одном.

Ева. *(Кладёт руку Льву на грудь.)* Да, видимо всё-таки перекрёстки созданы, чтобы соединять. Пойдём?

Лев. Ты уже оклемалась?

Ева. Угу!

Лев. Голову не кружит?

Ева. Нет!

Лев. Ну, тогда... Мы не допили вина! Давай! *(Собирается чокнуться бокалами.)*

Ева. Подожди! А за что пьём?

Лев. Мы выдули целую бутылку без единого тоста!

Ева. Ну, неправда! Мы говорили тост перед первым бокалом. А сейчас последний. Нужно что-то сказать.

Лев. Хорошо. Мне говорить? Выпьем за нас и за перекрёстки, что соединяют.

Ева. Ну, нет! Я предлагаю выпить за другое.

Лев. За что?

Ева. Я хочу выпить за то, что бы каждый человек был на своём месте со своими людьми и занимался своим делом.

Лев. Ну, хорошо. Давай, выпьем за это.

Ева. И пусть в эту ночь это случится.

Молодые чокаются и выпивают до дна.

Ева. Ладно, вызывай такси.

Лев. Не надо никакого такси.

Ева. У тебя своя машина?

Лев. Нет, я живу здесь неподалёку.

Ева. Да? Где?

Лев. (*Указывает пальцем вверх.*) Там.

Ева. (*Смотрит в небо.*) Ты ангел, упавший с небес?

Лев. Нет, я живу на втором этаже, над кофейней.

Оба смеются и заходят за угол "Живоглота".

Через время в левом окне на втором этаже загорается свет. Лев проводит Еву в квартиру.

Лев. Вот, мои хоромы!

Ева. Ты здесь живёшь? Слушай, а уютно здесь у тебя. Своя или снимаешь?

Лев. Снимаю. Ты садись. Сейчас накрою на стол.

Ева садится за стол. Лев достаёт вино и тарелку с сырной нарезкой.

Ева. Боже! (*Прикрывает нос.*) Эти твои благородные сыры пахнут совсем не благородно.

Лев. Знаешь, в этом мире много вещей, которые в сущности своей не те, какими кажутся на первый взгляд. Вонючие сыры могут оказаться деликатесом. А в задрипанной однушке может жить вполне богатый человек.

Ева. (*Отпивает вина.*) Если только он богат душой. Тогда да, вполне может жить в задрипанной однушке.

Лев. Ну, не соглашусь! Не всем нужны хоромы. Кому-то достаточно простой квартирки недалеко от работы, где рядом есть парикмахерские, магазины, рестораны, кинотеатр.

Ева. И всё же здесь дело больше в аскетизме, а не в удобстве. Ведь, согласишься, просторная ванна удобнее маленькой. Мне кажется, если богатый человек и выбирает себе такую квартиру, как у тебя – без обид, мне нравится твоя квартира – это говорит больше о его мудрости: он понимает, что предел удовольствий в жизни конечен и ограничивает себя, чтобы...

Лев. Не пресытиться жизнью.

Ева. Именно.

Лев. И у него есть возможность снять любую красотку, но он выбирает скрыть факт богатства, чтобы найти ту самую,

не меркантильную.

Ева. Или! Как это чаще бывает, он скрывает факт богатства, чтобы...

Лев. Чтобы?..

Ева. Проверить, чего он стоит. Он не чувствует себя полноценным мужчиной, покупая женщину, и хочет убедиться, может ли он добиться её без денег.

Лев. Ты невысокого мнения о мужчинах.

Ева. Нет, я прекрасно отношусь к мужчинам. Я люблю мужчин. Просто я понимаю, что, как сильно не влюбись человек в другого человека, а всё равно больше всего на свете он будет любить себя.

Лев. Неправда.

Ева. Думаешь?

Лев. Я говорю это по собственному опыту. Я умею любить женщину больше, чем себя.

Ева. Да? (*Поднимает бокал.*) Просто выпьем или скажем тост?

Лев. Ты у нас решаешь.

Ева. Думаю, пришло время поднять твой тост за нас.

Лев. Правда?

Ева. Да! Мне всё больше кажется, что я нашла того, кого искала. Ты такой... Такой...

Свет в квартире Льва приглушается.

Картина пятая

Свет в квартире Платона прибавляется.

Теодора Теодоровна. Бездарный. Это самый бездарный текст, какой я читала. А читать мне, уж поверьте, доводилось много чего. Нет, ну, "сонно-вздыхающих гусей" и "младенца, вылупляющегося из зияющей чёрной дыры" это я ещё могу понять: ну, молодой, мало читал, нет чувства стиля, вкуса – но что это скажите мне: "Эта глава самая маленькая в романе, потому что в ней сущности ничего не происходит. Герои просто пьют кофе и общаются. Поэтому, перейдём к следующей главе". Что за хрень, извините меня? Зачем тогда нужна эта глава?

Платон стоит у окна и смотрит на Космонавта в гамаке.

Платон. Ну, нужно как-то подгонять объём! Нельзя всю книгу завалить картинками. Это уже будет не роман, а комикс какой-то. Да и художники нынче дерут немало!

Теодора Теодоровна. Послушайте, ну, если тема так проста и мала, что не укладывается в объём романной формы, зачем тогда вообще писать роман? Ну, напишите рассказ!

Платон. Рассказы нынче не читают.

Теодора Теодоровна. Ах, ну, да! Двадцать первый век – эра бесконечных сериалов. Киношная мода переходит на литературу. До чего развились: строим ракеты, летаем в космос – а в культурном плане возвращаемся к толстым романам девятнадцатого века, где автор жуёт одну пресловутую тему, как жвачку, на протяжении шестисот страниц, пока она не теряет вкус и полностью не растворяется во рту.

Платон. Значит, по-вашему, Диккенс, Бальзак, Толстой – это графоманы, жующие жвачку?

Теодора Теодоровна. Ну, для начала, спасибо! Впервые вижу современного писателя, который знает, кто такие Диккенс, Бальзак и Толстой. За это отдельный поклон. Но вы забываетесь, что и Диккенс, и Толстой, и Бальзак – дети своего века. Время идёт, литература развивается. Ну, и, в конце концов, вы забываете самое главное.

Платон. И что же?

Теодора Теодоровна. Вы не Диккенс, не Толстой и не Бальзак. *(Пауза.)* Ваш текст типичный из тех, что мне присылают каждый день. Всё написано как-то пафосно, напыщенно, тяжеловесно. Писать нужно проще и со вкусом. Вот, смотрите, вы любите женщин?

Платон. Ну, разумеется, я люблю женщин!

Теодора Теодоровна. Ну, откуда ж я знаю?! Нынче век такой неординарный. Вот, вы любите женщин. Уже хорошо. Вот, смотрите, вы ведь любите женщин красивых, стройных,

ухоженных. Чтобы прямая спинка, стройные ножки. Всё аккуратненько, красивенько, без сальца и целлюлитика. Ну, так и ваш текст должен быть таким, как девушка с картинки. Возьмите тему. Выберите героя и сюжет, которые смогут её раскрыть. Это вы построите скелет вашего текста. И потихоньку наращивайте на него мышцы. Твёрдые, жилистые, красивые. Но не нужно накачивать текст жиром. Жир – это вода. Вот, у вас какой кусок не возьми – сплошная вода, один жир!

Платон. Хорошо! Ну, что в моём тексте не так? Распишите чётко, по пунктам.

Теодора Теодоровна. Чётко? Нет, чётко это не про ваш текст. Ну, хорошо, смотрите. Начнём с главного. В вашем тексте отсутствуют начало, середина и конец. В нём вообще отсутствует сюжет, как класс! Далее. Что за дурная привычка пересказывать события? Вы же роман пишете, а не краткое содержание к нему. Покажите то, что происходит в вашей истории. Заставьте читателя пережить те же эмоции, что испытывают ваши герои.

Платон. Не понимаю! Когда вы принялись читать, вы ведь сказали, что это интересно!

Теодора Теодоровна. Правильно! Я посмотрела на страницу и мне стало интересно, почему в тексте ни одного сложного предложения. Сначала я подумала: ну, ладно, у автора стиль такой, у него текст, как молодой дембель, жилистый. А потом поняла, что текст весь из простых предложе-

ний, потому что автор банально не может построить сложные предложения! Что это? Как это? Вы в школе учились? Знаете, что такое сложноподчинённое?..

Платон. (*перебивает*) Не нужно разговаривать со мной, как с ребёнком! Хорошо, вы подробно объяснили, что романист из меня никакущий, но рассказы-то чем вам не угодили?

Теодора Теодоровна. А вам то что? Вы же сказали, что рассказы нынче не в моде.

Платон. Да, говорил! Но, если рассказы хорошие, почему бы рассказы не пописывать, а?!

Теодора Теодоровна. Вот, горе нашего века! Писатели пописывают – читатели почитывают. Как классик писал. (*Просматривает рукописи.*) Нет! Рассказы тоже плохи.

Платон. Да с ними-то что не так?

Теодора Теодоровна. Ну, смотрите, вот, начало вашего рассказа: "Что есть любовь? Любовь – явление, что подвластно порывам сердца. Но сердце – понятие анатомическое. Любовь же есть нечто, что за пределами космического пространства." Что это за херня?

Платон. К вашему сведению, в литературе это называется "философские рассуждения".

Теодора Теодоровна. В жопу философские рассуждения! Рассказ, он на то и рассказ, чтобы сразу вводить в курс дела. Первое предложение – "Он подошёл к окну.", всё! Коротко и ясно. У вас там не так много объёма, чтобы успеть

рассказать всё, что нужно рассказать, а вы тратите его на какую-то херню. Ведь что такое рассказ?! Рассказ – это сон! Короткий, яркий, насыщенный. Орал ребёнок, не давал крестьянской девке уснуть, так она его и задушила. Чихнул чиновник на затылок генералу, да так распереживался, что помер. Вот, рассказы! Учитесь у Чехова Антона Палыча! Чехова хоть вы знаете?

Платон. Кажется, в школе что-то проходили.

Теодора Теодоровна. Вот, именно: проходили, а не читали. И потом что это: девушка пришла выпить кофе в кофейню, ей нагрубил официант, она пошла прыгать с моста. Что это за муть? У вас в каждом рассказе герои сидят в кофейнях и самоубиваются. Где история?

Платон. Да какая история?! Здесь же человеческая трагедия! Молодая девушка, нежное хрупкое создание, в этом жестоком мире, полном злости и невежества. Единственное её утешение – придти в любимую кофейню, выпить чашечку кофе. Но даже здесь ей умудряются нахамить, испортить настроение в единственном месте на планете, где она чувствует себя в комфорте и безопасности. Здесь игра чувств и страстей!

Теодора Теодоровна. Вот, это да! Девочке испортили настроение. Вот, это история! (*Пауза.*) Но знаешь, и всё же я благодарна тебе.

Платон. За что?

Теодора Теодоровна. Да я всё понять не могла: поче-

му сегодня умерла драматургия? Вот такие молодые, как ты, каждый день присылают мне на почту романы, повести, рассказы, а драматургии нет. А те единичные пьески, что попадутся мне, написаны так убого и коряво, что диву даёшься, неужели драматургия просто жанр не сегодняшнего дня и ей пора уйти за кулисы. А теперь я поняла. Ведь, что такое драматургия?! Герой хочет чего-то. Он этого чего-то добивается. На пути ему попадается множество препятствий, которые он обходит, но каждое препятствие даётся ему всё тяжелее и тяжелее, и, в конце концов, он достигает некой точки невозврата, в которой он должен совершить то действие, какое никогда в жизни не совершал и никогда бы не совершил при иных обстоятельствах, и, совершив его, герой перерождается, становится другим, лучшей версией себя. Драматургия – это всегда про борьбу. А вы, молодёжь, давно забыли что значит бороться. Вот, считаешь ту муть, что вы пишете. У вас девки бросаются с моста из-за плохого настроения. Мужики в провинции спиваются из-за безнадёги. Хотя, проедьте по провинции и посмотрите на этих самых мужиков. Да любой из них вам фору даст. И вечно все у вас страдают, депрессируют, убиваются. И никогда не попадалось истории о том, как человек просто борется за своё счастье, что, вообще, само собой разумеющееся. А ведь борьба определяет всю нашу жизнь. Ты что в старости будешь вспоминать? Как ты лежал на кровати в наушниках и страдал от невыносимой лёгкости бытия? Нет, в старости ты вспоминаешь моменты

борьбы. Как в очередной раз падаешь, но всё равно встаёшь и идёшь к своей цели. Почему вы перестали бороться?

Платон. Спасибо вам, конечно, за морализаторство, но всё же скажите, что мне теперь с этим делать? Что исправлять и куда нести в печать?

Теодора Теодоровна. Я бы посоветовала вам вообще не писать.

Платон. Что?

Теодора Теодоровна. Понимаете, очень редко попадают одарённые авторы, у которых все ружья выстреливают. Кто-то не умеет строить сюжет, но зато пишет, как Бог: описывает мельчайшие детали так, что ты забываешь о том, что читаешь текст, тебе кажется, что ты можешь взять это, потрогать, пощупать. Бывают авторы, которые и слова в предложения связать не могут, но зато строят такой сюжет, что оторваться невозможно. В ваших же работах я не вижу ничего, что бы вытягивало за собой слабые места. Все ваши тексты напрочь состоят из слабых мест. В вас нет главного, что должно быть в молодом писателе – перспективы.

Платон. Я вас понял. Уйдите, пожалуйста. Забирайте ваш сахар и уходите.

Теодора Теодоровна. *(Подходит к Платону и кладёт руку ему на плечо.)* Ну, не убивайтесь вы так, молодой человек. Понимаю, может показаться, что я чересчур бестактна, но я из того сорта людей, что не будет хвалить, чтобы не обидеть и тем самым портить человеку жизнь. Я обрисова-

ла вам реальную картину, чтобы вы уже сейчас одумались и взялись за что-то, что получается у вас лучше сочинительства. В конце концов, какую радость в жизни оно вам приносит? Каждый день сидеть в кабинете и бесконечно строчить по клавишам, пока там за окном реальная жизнь пролетает мимо вас. Вот, скажите, о чём вы мечтали в детстве?

Платон. Я мечтал путешествовать. Мечтал добиться результатов в спорте. Я бегал на длинные дистанции и мечтал оббежать весь мир. Уйти на заслуженный отдых чемпионом.

Теодора Теодоровна. Какая прекрасная мечта! Я в молодости занималась горными лыжами. И, между прочим, была в шаге от того, что бы не войти в олимпийский резерв.

Платон. Вы шутите?

Теодора Теодоровна. Нисколько.

Платон. И как вас занесло в литературу?

Теодора Теодоровна. А вы как попали в литературу?

Платон. Не знаю.

Теодора Теодоровна. Ну, вот, видите. Никто не знает, как он попадает в её тиски. Только очнётся и понимает, что уже много лет прошло, что жизнь этому посвятил. И почему же вы не исполнили мечту? Почему не ушли в спорт, не путешествовали?

Платон. Я... Я не знаю. Как-то давно из шутки набил небольшой роман. Выложил куда-то. А спустя время мне на счёт стали поступать отчисления. И я принялся писать ещё и ещё. И это всё меня затянуло.

Теодора Теодоровна . Но приносит ли это вам счастье?

Платон. Счастье? Не знаю. Никогда об этом не задумывался.

Теодора Теодоровна . Подумайте об этом на досуге.

Теодора Теодоровна хлопает Платона по плечу, берёт пакет сахара и уходит. Платон остаётся стоять у окна.

Свет в квартире приглушается.

Картина шестая

Свет на улице и на лужайке прибавляется.

Официант выходит покурить и замечает на гамаке Космонавта. Подходит к лужайке и опирается на забор.

Официант. Здарова!

Космонавт. (*Оглядывается и замечает Официанта.*) А! Привет! Давно тебя не видел. Отдыхал что ли?

Официант. Нет, я работаю без выходных.

Космонавт. Странно! Днём что ли работаешь?

Официант. И по ночам.

Космонавт. А куда тогда пропал?

Официант. (*Смеётся.*) Я пропал?! Это ты из дома не вылезает!

Космонавт. Ты опять за своё! Я выхожу из дома каждое утро, размяться, подышать воздухом. А вечерами, да, сидел дома. Не хотел выходить.

Официант. Ну, если ты считаешь, что утренних прогулок достаточно, чтобы не отставать от жизни, ладно!

Космонавт. Как дела? Как работа?

Официант. О, дела просто замечательно! Я, наконец-то, отметелил того писаку, что мне жить не давал. Теперь, думаю, к нам больше не сунется.

Космонавт. Не понимаю, чего ты так прицепился к нему. Я тоже часто наблюдаю за ним в окно. Он же никому не мешает: сидит спокойно и пишет. Да и тебе работу упрощает: принёс ему чашку кофе и пирог, и не подходи следующие четыре часа.

Официант. Мне не нужно облегчать работу. Она что с ним, что без него, нелёгкая. Я хожу на работу не весело время проводить, а деньги зарабатывать. О каком заработке может идти речь, если чувак сидит и мусолит одну кружку кофе четыре часа?!

Космонавт. Ну, ты, говоришь, его проучил?

Официант. Ага!

Космонавт. И больше он к вам не сунется?

Официант. Надеюсь.

Космонавт. Ну, вот, и всё! Чего нервничаешь понапрасну?! (*задумчиво*) И всё же жаль! Мне нравилось наблюдать за ним вечерами. Он так страстно стучал пальцами по клавишам печатной машинки. Я даже ему завидую.

Официант. Чему завидуешь?

Космонавт. Мы с тобой оба просрали жизнь. А он живёт.

Официант. Так, давай, ты будешь говорить за себя! Я не просираю свою жизнь.

Космонавт. Правда? Скажи, тебе нравится работать официантом?

Официант. Я ненавижу эту работу.

Космонавт. Вот! Ты уже четыре года рассказываешь мне

сказки о том, что, вот, ещё подзаработаешь немного и уйдёшь с этой работы заниматься... Чем ты там хочешь заниматься? Музыкой? Живописью? Кино?

Официант. Ты даже не помнишь, какая у меня мечта! А ты, между прочим, один из немногих, кому я открылся.

Космонавт. Видишь, я даже не помню, какая у тебя мечта! Потому, что ты уже много лет мне о ней не говоришь. Только вечно жалуешься на работу. Она сожрала не только всё твоё время, но и все твои мысли. Ты забыл всё, о чём мечтал. Думаешь только о работе – да ещё о какой! – о бес-толковом деле, которым никогда в жизни бы не занимался, если бы за это не платили. И, если ты сам до сих пор не пришёл к этой мысли, извини, конечно, но на этой работе ты застрял на всю оставшуюся жизнь.

Официант. Столько умников развелось вокруг! Я смотрю, вам всем легко рассуждать, когда есть капитал за спиной. Что бы ты говорил, не заработай столько бабок за свои рекорды!

Космонавт. Ты забываешь один момент.

Официант. Какой же?

Космонавт. Когда я начинал, у меня не было ни гроша за спиной. Я просто делал, что мне нравится. Надевал шорты с футболкой, старые кроссовки, и выходил на улицу бежать, куда глаза глядят.

Официант. *(Долго молчит.)* А ты! Почему ты просрал свою жизнь?

Космонавт. Понимаешь, мы постоянно пытаемся быть кем-то: востребованным специалистом, хорошим другом, любящим мужем, благодарным ребёнком. Но правда заключается в том, что человеческая жизнь не ограничивается одной из этих сфер. Жизнь красочна, многогранна. И мы должны стараться брать все её плоды. Раньше я этого не понимал. Для меня делом всей жизни был только спорт. И я не думал ни о чём другом. Друзья звали меня на вечеринки. Я отказывался, не хотел пропускать тренировку. Любимая девушка звала в кино на вечерний сеанс. Я же отказывался, объясняя себе, что нужно выспаться перед завтрашней тренировкой. Родители звали к себе. А я не ехал к ним, понимая, что пропущу несколько тренировок в дороге. И что я имею сейчас?! Друзья меня забыли. Любимая ушла к другому. Родители умерли. И даже спорта, которому я посвятил всю жизнь, у меня больше нет. Я – мертвец.

Официант. Рано ты себя хоронишь.

Космонавт. Уже поздно. Поезд ушёл.

Официант. К нам в кофейню каждый день ходила женщина. Красивая, всегда ухожена и хороша одета. Однажды она исчезла. И зашла только спустя полгода. Только она уже не была красивой, как раньше. Она сильно постарела. Шикарных пышных волос больше не было, вместо этого тюрбан на голове. Кожа её будто высохла. Перед нами сидел другой человек. И, скорее всего, мы бы не узнали её, если бы не та прежняя очаровательная улыбка на лице. Мы спроси-

ли её: что же с ней произошло, где она так долго пропадала? Она сказала, что болеет раком. Её слова нас, конечно, ужаснули, но не огорчили: она ведь сидела перед нами весёлая. И мы спросили её: неужели она победила болезнь? Она сказала, что нет. Тогда мы спросили, почему она такая весёлая? Она ответила, что каждая болезнь даруется Богом. И, что, заболев, она приобрела больше, чем потеряла. Мужчина, который ей нравился, переехал к ней, чтобы ухаживать за ней. Дети, про которых она думала, что те забыли её, звонили каждый день и приезжали на каникулах. Благодаря болезни, она поняла, что прожила жизнь не зря.

Космонавт. Она выздоровела?

Официант. Нет, она умерла.

Космонавт. Тогда к чему вся история?

Официант. Уверен, она умерла счастливой. Подумай, может, твоя травма не проклятье, а всего лишь второй шанс зажить по-настоящему. Давай, мне нужно работать.

*Официант выбрасывает сигарету и уходит в кофейню.
Космонавт задумчиво лежит в гамаке.*

Свет на лужайке приглушается.

Картина седьмая

Свет в квартире Платона прибавляется.

Платон так же стоит у окна и смотрит, как на лужайке перед домом в гамаке качается Космонавт.

Платон. Подумать, Мандаринчик, что она мне тут наговорила! Осрамила мои тексты, которые нравятся тысячам людей! Я – один из немногих счастливичков, кто способен жить на гонорары от литературных трудов. Эта же старая дура обвиняет меня в бездарности! Меня! Да видела бы она, сколько людей читает мои книги! Сколько восторженных отзывов пишут на них! И всё же... (Пауза.) В чём-то она и права. Жил ли я всё это время настоящей жизнью? Получал ли я от литературы тот кайф, что заставлял бы меня забыть обо всём другом? Отдавался ли я этому делу сполна, со всем сердцем? Да была бы моя воля, Мандаринка, я бы давно выбросил эту печатную машину, надел бы спортивный костюм и отправился бежать, куда глаза глядят! Да, мои книги популярны. Но среди кого? Девочек-инстаграмщиц. "Любительниц Ремарка", что сидят за книжкой в кофейне и ни единого слова в ней не понимают. Сколько раз я впадал в апатию, когда читал рецензии и понимал, что эти куколочки совсем не улавливают тех смыслов, что я пытался донести. Сколько

раз ловил стыд, когда приходил на встречу с читателями и видел толпу этих школьниц-неформалок. И, действительно, ради чего мне жить? Ради чего дальше убиваться за печатной машинкой, чтобы очередная инста-дурочка выложила цитату из моей книги и именно того куска, смысла в который я не вкладывал. Когда там за окном бежит и плещет реальная жизнь! (*Смотрит на печатную машинку.*) Я больше не буду твоим рабом.

Платон поднимает печатную машину и стопку рукописей и швыряет в окно. Он долго стоит, облокотившись на оконную раму, и старается отдышаться. Затем смотрит на развивающиеся в воздухе листы бумаги.

Платон. Что я наделал?

Платон выбегает из квартиры. В это время на первом этаже в кофейне гаснет свет. Официант выходит из главного входа и закрывает дверь на ключ. Он идёт за угол, как из-за угла выбегает Платон, и они сталкиваются.

Официант. Опять ты!

Платон. Да отойди ты!

Платон бежит к печатной машинке, лежавшей на дороге. Официант решает не тратить на него времени и уходит

за угол кофейни. Платон бежит по дороге, прыгает и пытается поймать рукописи, развиваемые ветром. Но ему удаётся поймать всего пару листов. Он садится на тротуаре и обнимает печатную машинку.

Платон. Ужас! Какой ужас! Что я наделал? Угробил год жизни. Взял и одним разом выбросил год трудов, бессонных ночей. И ради чего? Из-за минутного порыва страсти. Да, она затуманивает рассудок. Но, чёрт возьми, когда я выбрасывал эту проклятую, я впервые за долгое время чувствовал, что сделал что-то значимое. Что-то внутри меня заставляло думать, что я поступаю правильно. Что именно эта самая минута была минутой подлинной жизни. Тогда зачем же я сдался? Зачем пошёл на попятную? Чтобы и дальше каждый божий день сидеть, скрючившись над этой проклятой, заправляться литрами кофе и потом ночью лежать, уткнувшись глазами в потолок, пока там за окном проходит жизнь. И ради этого я должен бросить мечты?!

Платон бросает печатную машину и уходит. Поднимается к себе в квартиру. Там он переодевается в спортивный костюм: шорты, майку и кроссовки. Звонит по телефону.

Платон. Алло! Привет! Прости, что так поздно. Не звонил бы, если б знал, что в это время ты спишь. Слушай, чего звоню. Помнишь, ты говорил, что летом будет проходить

марафон?! Да! На него ведь ещё можно зарегистрироваться? Класс! Тогда помоги мне с регистрацией и заполнением всяких бумаг. Я в этом не шарю. Ну, и, слушай, я тут подумал над твоим предложением. После марафона можно будет с удовольствием сесть в твою старушку и отправиться колесить по стране, пока не кончится твой отпуск. Нет, никакая муха меня не кусала. Просто стал понимать, что в этой жизни к чему. Да, давай! Доброй ночи!

Платон включает музыку на колонке. Достает из шкафа скакалку.

Платон. Ну, поехали!

Под песню скачет на скакалке.

Свет в квартире приглушается.

Картина восьмая

Свет в квартире Льва прибавляется.

Лев выглядывает из окна – весь взъерошенный в растёгнутой рубашке и спущенными брюками.

Лев. (кричит вниз) Подожди ты, дура!

Лев выбегает из квартиры. Через время из-за угла выходит Ева и идёт вдоль кофейни. Из-за угла появляется Лев и настигает Еву.

Лев. Подожди! Пстой же! (Хватает её за руку.)

Ева. Пусти меня! (Вырывается из его хватки.)

Лев. Не убегай! Давай, поговорим! Что я тебе сделал? Почему ты так поступаешь со мной? Разве я был груб с тобой? Неужели в моих поступках ты разглядела дурные намерения?

Ева. Я не хочу с тобой разговаривать! (Отворачивается.)

Лев. (Хватает её за руку и разворачивает к себе.) Да подожди же ты!

Из окна своей квартиры выглядывает Платон – потный, в мокром спортивном костюме.

Платон. Слушайте, внизу! Нельзя ли потише?! У меня музыка орёт, а я всё равно слышу вашу драму!

Лев. *(Платону)* Пошёл к чёрту! Не видишь? Здесь люди выясняют проблемы!

Платон. Выясняйте их подальше отсюда!

Лев. Что ты такой дерзкий?! Я сейчас поднимусь к тебе, и проблемы уже будут у тебя!

Платон. Давай, урод!

Ева уходит прочь, Лев бросает спор и бежит за ней. Платон скрывается и задёргивает занавески. Лев снова хватается Еву за руку, она вырывается.

Ева. Пусти меня! Я буду кричать!

Лев. Значит так? Кричи! Кричи! Пусть вся улица слышит, какая ты шлюха!

Ева. Что? Ты ненормальный!

Лев. Я ненормальный?! Я привёл тебя в свой дом! У нас всё было хорошо. И потом! Ты просто сбежала! Почему? Скажи мне, почему? Потому, что я живу в маленькой однушке?! Потому, что у меня нет машины?! Потому, что я недостаточно зарабатываю?! К твоему сведению, когда я говорил тебе про богатого человека, что привык аскетично жить, я имел в виду себя! Это я тот богатый человек! Я каждый день питаюсь в этом заведении! А ты сбежала от меня, решив,

что я бедный неудачник! Только, потому что я не выставяю роскошь напоказ!

Ева. Ты реально придурок! Я ушла, потому что ты предлагал мне грязные вещи, которые приличным девушкам на первом свидании не предлагают! Я напилась, на мгновение потеряла голову, и пошла домой к незнакомому мужчине! А ты воспользовался моим положением и попытался затащить меня в постель! Чего ты вылупился?!

Лев. *(Долго смотрит на Еву ошарашенными глазами и молчит.)* То есть ты не притворялась?! Ты действительно приличная девушка?! Ева! Подожди! Давай, попробуем ещё раз!

Ева. Сумасшедший! *(Убегает за кулисы.)*

Лев. Ева, подожди!

Лев бежит за ней, спотыкается о печатную машинку и падает. Ева уходит за кулисы. Лев сидит на асфальте и не собирается вставать.

Лев. Не понимаю. Совершенно не понимаю! Я столько искал ту самую: ездил по разным странам, знакомился в галереях и театрах, даже искал на сайтах знакомств – а она всё это время была рядом, работала в соседнем отделе. И, казалось бы, разве это не судьба?! Конечно, судьба! Сама Вселенная подарила её мне за мои старания. Но, вот, я снова промазал! Упустил шанс! А виною пару лишних бокалов вина.

Вино! Помню, я так страстно мечтал пить дорогое вино, закусывать его благородными сырами, самым вкусным деликатесом. Мечтал каждый день есть в кофейне под моей квартирой! Мечтал летать по разным странам и зарабатывать столько денег, чтобы не приходилось их считать! И, вот, когда я достиг своей самой желанной мечты, уже и это всё не приносит мне никакого удовольствия. Да чего уж там! Даже удовлетворения! (*Пауза.*) А, может, добейся я Евы, моя страсть, моя тяга к ней, пропали бы так же, как к вину и сырам? Что даже, покорив её сердце, внутри меня всё равно бы зудело это мерзотное чувство, будто я лежу ночью на сыром асфальте, споткнувшись о какую-то железяку? Кстати! (*Оборачивается и замечает печатную машинку.*) Печатная машинка! Разве ими ещё кто-то пользуется? (*Притягивает машинку к себе и рассматривает её.*) Удивительно! Я всё думал, что то-то забыл. Каждый день, пока сижу в офисе с утра до ночи, в голове страшная щикотка: какая-то мысль всё мечется в голове, кружит, как светлячок вокруг лампы, но я всё не мог вспомнить! И, вот, вспомнил. В детстве я мечтал писать. Да! В школе с нетерпением ждал, когда зададут писать сочинение, а потом прибежал домой и долго и страстно писал. Но никогда не брался за ручку с бумагой просто так, пока не задавали в школе. В деревне у нас жил художник – дядя. Картины его никто не покупал, и из-за этого дядя вечно пил, а после трезвел и бежал в церковь замаливать грехи. И однажды местный батюшка сказал ему писать иконы. Дядя

стал писать. Его иконами увешали всю сельскую церковь. И больше он никогда не пил. А сутками сидел на летней кухне и писал. Я так завидовал дяде, что ему дали право заниматься тем, что он любит. И, вот, я много лет ждал, когда мне тоже разрешат писать, но школа закончилась, и больше я никогда не брался за ручку с бумагой. А теперь понимаю, почему нужно было ждать чьего-то разрешения? Разве не я в праве решать, чему посвящать собственную жизнь? (*Смотрит на машинку.*) Может, это тоже судьба? (*Обнимает машинку.*) Теперь я понял! Понял, почему был так несчастен! всю жизнь я искал счастья вовне: в материальных благах, в женщинах, в удовольствиях. А счастье нужно было искать внутри себя! Как дядя! Помню, мальчишкой я подбежал к нему, когда он счастливый шёл на реку с красками и мольбертом, и спросил его: "Сильно изменилась твоя жизнь, дядя. Ты счастлив?" И он ответил, что счастлив. Я спросил: "А как ты нашёл счастье?" Он пожал плечами. Говорит: "Раньше вставал с петухами, шёл с ведрами за водой, днём пахал землю, вечером колол дрова. Сейчас утром хожу за водой, днём пашу землю, вечером колю дрова." "И что изменилось?" – спрашиваю его. А он отвечает: "Всё!" (*Пауза.*) Вот, и у меня всё изменилось!

Лев встаёт и с печатной машинкой уходит за угол дома. Через время свет в его квартире загорается. Лев ставит печатную машинку на стол, протирает её тряпочкой. Где-то

в столе находит несколько листов бумаги и устанавливает в печатную машинку. Садится за стол.

Лев. Удивительно! Только недавно я понял, что хочу писать, но уже знаю, о чём напишу! Так! Моё произведение будет обо мне. О человеке, который искал счастья вовне, а нашёл его внутри. Ибо как найти его вовне, если жизнь – бесконечные перекрёстки, где люди пересекаются, а потом разъезжаются в свои стороны. Сначала нужно дать название. Так и назову. "Перекрёстки".

Лев стучит по печатной машинке.

Свет в квартире Льва приглушается.

Картина девятая

Свет на лужайке прибавляется.

Космонавт поднимается с гамака.

Космонавт. Да, всё это были красивые слова. Но все они разбиваются о суровую реальность. Никому не нужен хромой калека.

Сзади к забору подходит Ева.

Ева. Извините!

Космонавт. (*Оборачивается.*) А?

Ева. Извините, вы не подскажете, как можно отсюда добраться до новой части города?

Космонавт. Боюсь, вы припозднились. Автобусы в это время не ходят. Поймать такси тоже будет проблематично.

Ева. Почему? Что это за район?

Космонавт. Мы на полуострове. С остальным городом нас соединяет один мост. Таксисты стараются не ездить сюда, потому что, если потом не поймают здесь клиента, придётся ехать до города одному, вхолостую сжигать бензин.

Ева. И что мне теперь делать? Я живу в новой части города. Мне нужно домой.

Космонавт. А как вы здесь оказались, девушка?! (*Указывает на кофейню.*) Кофейня работает круглосуточно. Вы можете переждать там до утра. Утром начнут ходить автобусы.

Ева. Ясно.

Поникая Ева уходит в сторону кофейни. Космонавт недолго думает, и, хромя, бежит за ней.

Космонавт. Девушка! Девушка!

Ева. (*Оборачивается.*) Да?

Космонавт. Я подумал, может, вам нужен кто-то, с кем можно будет скоротать ночь за интересной беседой.

Ева. Даже не знаю. Ну, если собеседник будет интересный.

Космонавт. Постараюсь оправдать ваши ожидания. Скажите, вы любите французское кино?

Ева. Я? Да! Да, люблю!

Оба идут в кофейню. Космонавт открывает ей дверь. Они заходят в кофейню.

Над кофейней в окне горит свет. Лев даже не думает ложиться спать, а страстно стучит по клавишам печатной машинки. Вдоль кофейни пробегает Платон в спортивном костюме – он решил не дожидаться утра и сразу выйти на

пробежку. А в окне пустой кофейни сидят Космонавт и Ева, смеются и о чём-то говорят.

Занавес

Прогулка на луне (рассказ)

Giant steps are what you take, walking on the moon. I hope my legs don't break, walking on the moon. We could walk forever, walking on the moon.

We could live together, walking on, walking on the moon.

The Police, "Walking On The Moon"

Поздним вечером, когда уже солнце зашло за горизонт и отправилось на заслуженный отдых, а бродячие собаки вышли на вечернюю прогулку перед сном, на веранде заднего дворика зажётся свет и появилась маленькая фигурка. Она протопала по половицам и ступила на свежеподстриженный газон. Маленькой фигуркой был мальчик, ещё малыш; на крохотной головке он тащил пластмассовый шлем космонавта с надписью «СССР» на лбу, и от габаритов скафандра крохотное тельце мальчишки казалось ещё меньше. Юный космонавт добежал до центра дворика и запрыгнул на гамак, привязанный к двум железным балкам. Тощая спинка провалилась в ткань и большущий шлем неестественно выгнул шею мальчонке, но космонавт и не собирался снимать его, он ведь вышел в открытое пространство. Малыш поднял забрало и лицо его осветил свет большого серебристого шара. Космонавт протянул к нему руку и, пытаясь дотянуться до небесного мячика, выпрямил её из-за всех сил, но вско-

ре сдался, опустил ручонку, и та повисла с гамака. Мальчик посмотрел на луну и прошептал:

– Как ты прекрасна!

– Как ты прекрасна!

Будучи человеком неуверенным, да и побоявшись спугнуть девушку, которая слушала это в не первый раз за сегодняшний вечер, Лёва произнёс эту фразу тихо, с запинкой. Кристину он хотел уже один месяц и четыре дня; такой точный срок он определил вовсе не потому, что был на ней помешан и отчитывал дни на календаре от их первой встрече (хотя был на ней помешан и отчитывал дни на календаре от их первой встречи), просто познакомились они на турнире по теннису, который Лёва запомнил, благодаря ей, Кристине, и золотому кубку за победу.

Парень сидел, упёршись щекой в руку, и смотрел на спутницу. Девушка же не смущалась и позволяла избраннику любоваться собой, пока сама рассматривала посетителей ресторана, и, вообще, делала вид, будто скучает.

– Ещё вина? – поинтересовался Лёва.

Девушка взглянула на него исподлобья и улыбнулась. Он плеснул пару капель ей в бокал.

Вино парочка пила отнюдь недешёвое: Лёва страстно желал свою спутницу, потому решил сегодня похвастаться не только глубокими знаниями в программировании, коей зарабатывал на жизнь, но и суммой, какую готов был оставить

в этом, как и вино, отнюдь недешёвом заведении. У Кристины же цифровые технологии интереса не вызывали, зато её приятно удивили заказанные блюда, и она надеялась, что и удивит крепкий накаченный торс Лёвы, который она разглядела под мокрой футболкой тогда на турнире.

Лёва посмотрел на часы.

– У! Который час! Думаю, нам лучше продолжить наш разговор у меня дома. Я живу тут неподалёку.

Кристина улыбнулась.

– Официант, счёт!

К столику подлетел высокий парень с чёрными, как смоль, волосами и в красном жилете. Он поинтересовался, чем гость будет расплачиваться. Практичный Лёва машинально отчеканил: «Картой.». Но тут же передумал и достал пачку банкнот. Пока он пересчитывал деньги, он слегка поглядывал на Кристину и ему показалось, что её впечатлил размер кошелька.

Официант поднял тарелку с недоеденным цыплёнком и вопросительно посмотрел на гостя. Лёва недолго думал и сказал:

– Нам с собой.

– Нам с собой.

Полная женщина кавказской наружности посмотрела по сторонам, пытаясь определить, с кем пришёл молодой человек в потёртом пиджаке. Под стойкой слышалось шорка-

нье, женщина нагнулась и увидела вислоухую дворняжку с короткой шёрсткой нежного кремового цвета, бегающую вокруг хозяина. Поняв кого имел в виду покупатель под словом «нам», она улыбнулась и расстелила на столе два лаваша.

Платон открыл дверь квартиры, и пёс первым забежал в дом, неся в зубах бумажный пакет. Парень снял пиджак и повесил на крючок в прихожей. Он прошёл на кухню и увидел, что пакет уже лежит на столе, а верный пёс лежит под столом и ждёт. Платон выложил из пакета на тарелку горячую шаверму, отрезал кусок и положил под стол. Пёс мигом вскочил и принялся за угощение. Платон планировал подумать о рукописи, пока будет есть, но жар после острого соуса во рту прогнал с головы все мысли, и оставшийся ужин Платон думал, почему не купил бутылку лимонада.

Он сел за письменный стол. Тот стоял в углу перед окном и на бумагу падал лунный свет. Платон отодвинул стопку бумаги в сторону и поставил перед собой печатную машинку, дедовскую. Он вытянул из стопки чистый лист и вставил его в машинку, сверху помялся титульный лист с названием «Прогулка на луне». Это должен быть юмористический фантастический роман в духе Дугласа Адамса, Платон облизнул большой палец и провёл пару раз по помятому краю. Он уставился в белый лист.

Чёртов белый лист! Нет в этом мире ничего страшнее белого листа. Он, словно наша Вселенная, пустой и безграничный. И этим пугает. Платон не мог придумать концовку. Да,

честно говоря, он и не пытался её придумать: он рассчитывал, что персонажи сами закроют все сюжетные линии – они же для него живые – но персонажи молча стояли и смотрели на Платона, ожидая, какую участь он им приготовит.

Парень поднёс палец к клавише и уже собирался нажать, как в дверь раздался звонок. Рука дёрнулась и сжалась в кулак так сильно, что суставы на пальцах заломило.

Платон открыл дверь. На пороге стояла пожилая женщина в синем домашнем костюме с кошками на рисунке.

– Добрый вечер! Я ваша соседка. Меня зовут Элеонора Яковлевна.

Женщина сделала паузу, ожидая в ответ услышать имя собеседника, но Платон молча смотрел на неожиданную гостью и ждал. Элеоноре Яковлевне стало неловко.

– Дело в том, что я собралась печь торт для внуков, они завтра приезжают. И в ходе своей маленькой ревизии очнулась и поняла, что у меня закончился сахар. Может быть, вы...

Женщина не успела договорить, Платон прошёл внутрь. Элеонора помялась у порога, и, в конце концов, посчитала это за приглашение. Она проследовала за хозяином на кухню. Пёс вылез из-под стола и гавкнул, женщина охнула и схватилась за причёску, как будто та могла испугаться собаки и ускакать.

– Фу! – скомандовал Платон.

Пёс послушно вернулся под стол. Платон достал из буфета

та мешок сахара и повернулся, чтобы отдать гостю, но не обнаружил её поблизости. Он оглянулся и увидел женщину у письменного стола.

– Надо же! Кто-то ещё пользуется печатными машинками.

Так трогательно.

– Пожалуйста, уйдите от моего стола. – нервно затараторил Платон.

– А что это?

Элеонора Яковлевна отодвинула титульный лист и обнаружила гору исписанной бумаги.

– Надо же! – воскликнула она. – Вы, что, писатель?!

– Не ваше дело.

Платон взял грудку бумаг и сунул в ящик стола.

– Вы просили сахар – вот он. Будьте любезны не гулять по моей квартире.

– Можно прочитать? – невинно спросила старушка.

– Что? – в растерянности спросил Платон.

– Вашу рукопись. Можно мне прочитать?

Парень протёр лицо рукой. Он отказывался понимать, что происходит.

– Простите, но я не показываю недописанные вещи.

– О, не волнуйтесь! – затрепетала старушка. – Мне будет достаточно первых страниц. Я ведь работаю литературным редактором.

Платон оббежал взглядом чудную женщину. Он не верил, что сегодня, в ничем непримечательный вечер, ему могло

так повезти. Он с подозрением спросил:

– Правда?

– Неправда.

Кристина поджала губки.

– Сегодня снимают хорошее кино. Его просто нужно поискать.

Они шли вдоль трёхэтажного красного дома. По левую сторону через дорогу начинался частный сектор. Перед ними расположился дворик с низким деревянным забором. Внимание Кристины приковал маленький мальчик, лежащий на гамаке. Лёва заинтересовался, куда смотрит его спутница и прищурился, пытаясь что-либо разглядеть в темноте. Действительно в центре дворика на гамаке лежал маленький мальчик. И всё-таки Лёву смущало неловкое молчание, и он попытался как-то продолжить беседу.

– А ты, вообще, какое кино любишь?

Кристина оторвала взгляд от мальчика.

– Я? Французское. А ты?

– Я люблю советское кино.

– Почему?

– Оно про жизнь.

– А французское не про жизнь?

– Я не знаю, про что оно.

Дальше они шли в молчании. От напряжения Лёва то и дело поправлял воротник рубашки. Когда они дошли до пе-

рекрёстка, Лёва радостно указал на здание в углу со словами: «Это мой дом.» Точно такой же трёхэтажный, только зелёный.

Квартира Лёвы располагалась на последнем этаже. Парень взял девушку за ручку и галантно провёл по лестнице. Взяв её руку, он почувствовал, что ладонь Кристины вспотела. Видимо красавицы тоже волнуются в подобный момент, как и он; для него это стало открытием.

Щелчок. Комнату заполнил свет. Кристине не понравилась квартира. Она была непомерна мала по сравнению с её амбициями, да и всё в ней было какое-то маленькое. Маленький столик. Маленькое креслице. Маленький телевизор. И маленький холодильник в углу. Казалось, что стены дома сжимаются, а потолок проваливается вниз и ещё мгновение, и молодую пару сплющит.

Лёва вытащил из холодильника бутылку красного вина и, тронув лопатку девушки, провёл её в спальню. Кристина с грустью посмотрела на маленький комод и маленькую кровать, будто из века так девятнадцатого, когда ещё спали сидя. И всё-таки темнота и свет луны, освещающий ложе, придали сему действию романтики, а тепло комнаты заставило Кристину провести рукой по мокрой шее и снять лямку платья.

Лёва сел на кровать и потянул за собой Кристину. Она уже сняла с него рубашку и принялась ласкать жилистую шею парня. Девушка расстегнула ремень на брюках Лёвы и сквозь тяжёлое дыхание прошептала:

– Ты такой...

– Никчёмный!

Элеонора Яковлевна сидела с рукописью в кресле и курила тонкую сигарету, за которой зашла к себе в квартиру.

– Это. Самый. Никчёмный. Текст. Который я когда-либо читала. – с расстановкой проговорила она.

Платон вскочил со стола и заметался по комнате.

– Что вам не нравится? – нервно спросил он.

– Начнём с того, что здесь даже нет начала, середины и конца. Здесь вообще нет такого понятия как сюжет! Это просто перечень каких-то идей и фантазий, которые пришли вам в голову, вы выложили их на бумагу, и даже не попытались обернуть в художественную форму.

Платон остановился перед окном и уставился в мальчика, лежащего на гамаке через дорогу. Он закрыл глаза.

– Что вы мне предлагаете? Переделать это в сборник рассказов?

Элеонора Яковлевна сделала затыг и сбросила пепел в блюдце.

– Что? Нет! Я бы посоветовала вам совсем не писать. Понимаете, бывает такое, что писатель не умеет строить сюжет, зато у него прелестный русский язык. Бывает, напротив, что автор двух слов связать не может, зато выдаёт такие оригинальные идеи, что диву даёшься. Таким я советую не пытаться себя прозой и пробоваться в сценарном ремесле. Но здесь...

– Элеонора сделала очередной затяг, перелистнула страницу и помотала головой. – Я не вижу совершенно никаких перспектив. У вас нет главного, что должно быть в молодом писателе. Перспективы!

Платон провёл рукой по глазам.

– Я вам не верю.

Редактор усмехнулась. Потушила бычок и достала новую сигарету.

– Молодой человек, вы можете мне не верить. Это ваше право. Ну выложите тогда рукопись в сеть. Посмотрите, что напишут читатели. А почему вы вообще выбрали этот путь?

– Я... – Платон замялся. – Хотел стать космонавтом в детстве. Но... Не представилось возможности.

– Ну так идите в космонавты! Что ж, вы, голубчик, забыли в писательской профессии?

– Что ты опять забыл?

– Игрушку!

Под тихие завывания ветра, под нежным светом луны малыш уснул. Ему приснилась поездка в планетарий на прошедший день рождения. Тогда он забыл любимую игрушку, космический корабль, весом почти с килограмм. Малыш был капитаном корабля. Он так хотел показать экипажу модель Солнечной системы, кусок метеорита и ещё много других классных штучек, но в спешке забыл корабль дома. Что ж, я за капитан, который бросил свой экипаж, думал он.

Именно тогда он признался родителям, что хочет стать космонавтом. Отец фыркнул. А мама печально посмотрела на сына, поджав губы. Малыш знал, родители не разделяют его мечту, не понимают её. Он увидел это по их глазам, но ничего не сказал, просто обиделся и опустил глаза. Оставшийся день они просили его взглянуть на них хоть разочек, но малыш твёрдо смотрел в пол, не удостоив никого из них любящими детскими глазками. Мечта была его верной подружкой. Каждый раз, когда малыш был на грани отчаяния, она поднимала его и держала за руку. Мечта была его спутником по жизни.

Лёгкий туман сна расплылся в голове, и малыш открыл глаза. Луна ослепила его. Он зажмурил глазки. В душе стоял ком и тянул его вниз. Для своих юных лет малыш уже понимал, что сила притяжения действует на душу человеческую, куда сильнее, чем на тело. Он еле пошевелил губками и шёпотом спросил у луны:

– Жизнь прекрасна?

– Жизнь – дрянь!

Платон достал из ящика стола толстую стопку исписанной бумаги и швырнул в окно. Он метался по квартире из угла в угол. Пёс с любопытством и с жалостью смотрел на хозяина. Платон воспринимал собственную маленькую квартирку, как тюрьму, но тюрьмой были не четыре стены, а его сознание, огороженное высокой стеной; он маниакально прыгал

перед ней, пытаясь заглянуть, что за мир за её пределами, но всё было тщетно – стена была высока. Он сам запер себя в тюремной камере, построенной стопками бумаги, заклеенными между собой чернилами, словно цементом. В камере не было ни раковины, ни кровати. Лишь проклятый письменный стол и печатная машинка, которая каждый раз смотрела на него с вызовом, и каждый раз он этот вызов принимал и проигрывал.

– Да что эта старая дура понимает?!

Он знал – он талантлив. Парень посмотрел на листы, застрявшие в оконной раме. Что я наделал?

Платон выбежал из квартиры и понёсся вниз по лестнице. На пути ему встретился высокий брюнет в красной толстовке. Они столкнулись лбами и упали. Платон не извинился. Прыгнул на ноги и побежал дальше, держась за больной лоб.

Он выбежал на улицу. Дорога была усыпана бумагой. Платон хотел подбежать, захватить все листы, но стоял и боялся сделать шаг вперёд. Как будто чернила расплылись, и размякшая бумага превратилась в болото, которое могло затянуть его. Поднялся ветер. Бумага залетала в водовороте, поднимаясь всё выше и выше. Платон в два прыжка очутился на дороге и пытался поймать хоть один листочек, но те, словно надоедливые мошки кружились вокруг него и отлетали, как только он протягивал к ним руку. Сзади прогремел автомобильный гудок. Он развернулся и огромные жёлтые фары, похожие на глаза какого-то чудовища, ослепили его. Платон

отпрыгнул в сторону и почувствовал, как машина пронеслась в шаге мимо него. Писатель лежал на асфальте и смотрел как его творения, кружась спиралью, улетают в небо. Он закрыл лицо руками. Вот так, в одно мгновение, он уничтожил всё над чем трудился долгие годы.

Вдруг снова поднялся слабый ветерок. И Платон услышал шелест под собой. Он сидел на листе, который не успел улететь от создателя. Парень взял лист в руки и принялся читать. «Белоснежный леденящий свет луны.» «Космонавты пристально разглядывали сонно-вздыхающих лунатиков.» «Огромный космический корабль летел в безднах космического пространства, рассекая внеземную черноту, будто был внутри чёрной, пожирающей всё на своём пути, дыры.» О, Боже! Платон пробежал глазами эти строки снова и снова. Ночной ветер, словно рассеял туман в его голове, и Платон протрезвел. И это писал он? Какой ужас! Как бездарно! Он разорвал лист, бросил на асфальт и затоптал его.

Платон даже не помнил, как вбежал вверх по лестнице, у мусоропровода он снова встретил парня в красной толстовке, тот смотрел на него с улыбкой, как будто видел насквозь. Платон вбежал в квартиру, схватил печатную машинку и потянул, но чертовка вгрызлась в стол.

– Нет, я тебе не дамся!

Платон опрокинул письменный стол, и машинка с грохотом упала на половицы. Он брёл по улице, крепко сжимая машинку под мышкой, боялся, что она выпрыгнет из рук.

Пришёл к помойке и бросил проклятую у мусорного бака.

– Всё! – крикнул он. – Довольно меня мучить!

Вернувшись домой, Платон, первым делом, бросил на диван пиджак, который носил, чтобы поддерживать образ писателя, и который, вконец, признал неудобным. Навёл в квартире порядок. Поставил на место стол. Поласкал испуганного пса. И сел за компьютер.

Всю оставшуюся ночь Платон смотрел как становятся космонавтами, изучал расценки в спортзал и читал отзывы о клиниках, где можно пройти обследование. Когда глаза уже слипались и ничего не могли разглядеть в слепящем свете монитора, Платон откинулся на спинку стула и сказал:

– Сколько лет мне потребовалось, чтобы понять, чего я по-настоящему хочу!

Лёве же не требовалось столько времени. Он знал, чего он хотел. Кристину. Но она ушла. Он лежал на кровати с растёгнутыми брюками и зажимал уши, лишь бы не слышать её мерзкого смеха. Но смех звенел не в ушах, он звенел в голове. На что он рассчитывал? Он маленький человек. Работает на маленькой должности. Живёт в маленькой квартире. И носит маленькое достоинство. Он даже не возбудил её, он это чувствовал. Она ушла сразу, пока он натягивал трусы.

– Да что она себе возомнила? Я её накормил. Я её напоил. Да я на всё ради неё готов!

Лёва глубоко задышал, он делал так всегда, когда не мог

войти глубоко в женщину, глубоко дышал. Глаза налились кровью.

– Я тебя просто так не отпущу!

Он вскочил с кровати, застегнул ремень на штанах и побежал за ней, за Кристиной.

Лёва выбежал во двор и высматривал в темноте девушку. Он считал себя хищником, но хищник держится в тени, а не выбегает в центр поля.

– Я не травоядное! – повторял он себе мантру.

Увидел вдали её силуэт, такой изящный силуэт. И побежал за ней.

Кристина шла в гнев за впустую потраченный вечер и неудавшуюся ночь. Она думала, он любит её, что сейчас она подарит ему незабываемую ночь, но парень вёл себя нездорово и просил её о всяких гадких извращениях, о каких она даже думать не хочет. И тут девушка услышала быстрые шаги за собой. Не успела она развернуться, как её схватили за плечо.

– Ты чего? Куда ты ушла? – требовал ответа Лёва.

– Отпусти меня! Я буду кричать!

Лёва послушался девушку, но продолжал стоять к ней вплотную.

– Почему ты ушла?

– Ты знаешь, почему.

– Да что не так?

– С тобой не так. Извини, я не хочу об этом говорить.

– Да стой же ты!

Лёва схватил её за руку и тут Кристина выставила ему перед глазами что-то чёрненькое. Брызг. Глаза Лёвы загорелись.

– Отпусти меня, маньяк!

Лёва схватился за глаза и закричал. Лицо будто облили кислотой. Он сделал шаг назад и что-то под ногами зазвенело, парень не удержал равновесия и упал.

В домах загорались окна. Послышался глухой стук, это любопытные вышли на балконы. Люди, кто-то в ужасе, а кто-то в гневе, глядели на кричащего у помойки человека.

– Да заткнись ты! Люди спят! – возмутился кто-то.

Лёва убрал руки с глаз, давая холодному ветру остудить кожу. Но порывы ветра только обжигали лицо. Он попытался упереться рукой в асфальт, и та шлёпнула в лужу. Лёва перевернулся на живот и принялся взбалтывать воду в лужице, брызгал себе на глаза. Он пытался их раскрыть, но веки заклеились.

– Кто-нибудь, вызовите ему скорую! Не видите, человеку плохо!

– Сам виноват! Я видел, как он за девчонкой гнался!

В воздухе разрастался спор. Говорящие окна решали, что делать с несчастным.

Жар постепенно сходил с лёвиного лица. С очередной попытки он открыл глаза. Мир предстал мутным и расплывчатым. Лёве безумно хотелось протереть зудящие глаза, но сто-

ило только прикоснуться к лицу так возникала новая вспышка боли, будто в веки ему втыкали иглы.

Лёва попытался встать. Это получилось у него со второй попытки. Он хотел рассмотреть штуковину, о которую споткнулся, но глаза, словно были намазаны мылом. Парень нагнулся и сжал нечто рукой. Высокие клавиши. Металлический валик. И углубление посередине. Кажется, это была печатная машинка. Лёва взял её под мышку, сам не зная зачем, и поплёлся домой, стараясь ни во что не врезаться.

Дома он поставил печатную машинку на кухонный стол. Белое дерево мгновенно покрылось уличной слякотью. Достал из холодильника банку пива и уставился в окно.

– Вот так оно в жизни, Лев. – сказал он сам себе. – Правильно матушка говорила, не нужно уходить от мамы к всяким шлюхам.

В окне он видел лишь разноцветные пятна, которые постепенно вырисовывались в огни ночного города. Лёва посмотрел на печатную машинку и коричневую струйку, стекающую со стола.

– Вот так пишутся романы? И зачем я тебя принёс?

Машинка не ответила. Молча смотрела на него и ждала, когда очередная потерянная душа за неё возьмётся. Печатные машинки – самые ветреные создания на свете.

Вдруг Лёву посетила внезапная мысль. Может стоит попробовать?

– Так, стой-ка тут. Где-то у меня завалилась бумага.

Он порылся в шкафу и достал цельную пачку бумаги, которая ждала своего часа. Лёва разорвал упаковку и достал первый лист, тот измялся и полетел в корзину. Лёва вытащил из упаковки всю стопку и плюхнул на стол. Вставил один лист в щель и прокрутил валик.

– Итак!.. Сначала это... эм... Название.

Он нажал на клавишу, но на бумаге показались лишь очертания буквы. Тогда он стукнул по клавише и на листе напечаталась первая буква.

– Маленькие вещи. – продиктовал себе под нос Лёва. – Теперь подзаголовок.

Щелчок. Перенос строки.

– Любовный роман.

Небольшая пауза.

– Или повесть? Или роман?

Роман. Жизнь малыша определённо была похожа на роман. В ней были и завязка в виде его рождения, и волнующая кульминация в виде тяжёлой операции, а когда-нибудь будет и конец. В виде смерти.

Малыш в последний раз поглядел на луну и протянул к ней руку, прощаясь с ней. Он слез с гамака и протез на левой ноге скрипнул.

– Ай!

По воздуху летал быстрый шелест. Мальчонка поднял голову и увидел сотни исписанных листов, летящих вниз. Что

за удивительное явление природы! Сквозь летающую бумагу он разглядел в окне человека в красной толстовке. Тот пристально глядел на него, а потом помахал рукой. Малышу не понравился этот человек. Он развернулся и пошагал, хромая, к дому. Сосуды сжались на морозном воздухе и теперь культя болела, когда он наваливался на протез.

Малыш зашёл к себе в комнату, сел на кресло перед компьютером и снял протез. Он тщательно намазал кремом культю, а затем вытер пальцы о футболку и забарабанил по клавиатуре. Подушечки пальцев прилипали к клавишам, оставляя на кнопках жирный блеск. Малышу пришло новое письмо. Он подпрыгнул в кресле от радости. Вот она! Она написала! Его верная подруга! Та, кто каждый раз, когда малыш был на грани отчаяния, поднимала его и держала за руку. Его спутница по жизни! Малыш взял мышку и с любовью провёл курсором по нику любимой девочки. Mechta!